

A woman with short brown hair and blue eyes, wearing a white space suit, is looking out of a circular window. The window shows a view of Earth from space, with a bright sun or moon creating a lens flare effect. The woman's expression is serious and contemplative.

НАДЕЖДА СУВОРОВА

УДАЛИТЬ

Надежда Суворова

Удалить

«Автор»

2026

Суворова Н. П.

Удалить / Н. П. Суворова — «Автор», 2026

В мире, где контроль научился говорить языком заботы, а насилие — языком коррекции, Фелисетт Эйнер работает с теми, кого общество давно признало потерянными. Она знает: по-настоящему опасны не самые жестокие и не самые безумные, а самые спокойные. Когда в «Предел-6» появляется новый заключённый с идеально ровным профилем и слишком точной тишиной, Фелисетт впервые сталкивается с тем, что не укладывается ни в одну модель. И чем глубже она входит в эту игру наблюдения, тем ближе подходит к вопросу, который система предпочла бы удалить вместе с сомнениями: где заканчивается исправление и начинается уничтожение воли.

© Суворова Н. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	10
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Надежда Суворова

Удалить

1

Исправительный комплекс «Предел-6» держался на орбите Цереры не потому, что космос терпел порядок, а потому, что инженеры не оставили ему права на хаос.

Здесь всё рассчитывалось с оглядкой на отказ. Каждый шлюз — на двойное резервирование. Каждый кубометр воздуха — на аварийный перерасчёт. Каждый человек — на вероятность срыва.

Фелисетт любила такую ясность.

В четыре тридцать по внутреннему времени сектор Дельта-2 ещё жил в ночном режиме. Белые линии вдоль пола обозначали разрешённый маршрут. Под потолком ровно работал климатический контур — система АО «ЗАСЛОН», собранная не для комфорта, а для удержания среды в управляемом диапазоне. Девятнадцать и две десятых. Влажность — сорок два процента. Кислород — на полпроцента ниже стандарта.

Для обычного человека это ничего не значило. Для пациента на грани перевозбуждения — значило всё.

Фелисетт шла быстро, но без суеты. Браслет персонала каждые несколько метров обменивался короткими кодами с навигационными маяками. Система знала, кто движется по сектору, куда движется и с какой скоростью. Камеры видели тело. Навигационный контур — траекторию намерения.

— Доктор Эйнер, — сказал дежурный в наушнике. — Пятый бокс. Пациент сто сорок два. Повторное нарушение режима сна, отказ от воды, эпизод вербальной дезорганизации. Автоматический контур рекомендует перевод в жёлтый сектор.

Фелисетт не ответила.

Она отключила канал касанием внутренней стороны запястья. Автоматика могла советовать что угодно. Сначала она должна была увидеть человека сама.

Шлюз пятого бокса открылся после короткой сверки. Над дверью вспыхнула янтарная полоса. Затем сработал перепад давления. Только после этого створки разошлись.

Пациент сидел на койке, сцепив руки между коленями. Худой, с узким лицом поясника и той неподвижностью, которую система часто путала с истощением. Над его плечом ровно светилась синяя линия статуса.

Пульс в норме. Дыхание в норме. Температура кожи в норме.

Слишком много нормы.

Фелисетт остановилась у двери.

Незнакомые прикосновения она ненавидела. Пациенты это чувствовали быстро. Те, кто не чувствовал, запоминали через боль. Но до этого обычно не доходило: одного её взгляда хватало, чтобы люди соблюдали дистанцию.

— Вы не пьёте воду, — сказала она.

— Не хочу.

— Спали?

— Когда получилось.

— Сегодня не получилось?

Он пожал плечами.

Справа на панели уже прокручивалась машинная сводка. Голос без признаков острого стресса. Микромимика в пределах статистического окна. Агрессия не подтверждена. Когнитивный ритм стабилен.

Стабилен.

Фелисетт не любила это слово. В «Пределе-6» оно слишком часто означало не отсутствие угрозы, а отсутствие у системы подходящего языка для её описания.

Она сделала шаг вперёд.

— Вода горчит? — спросила она.

Пациент поднял голову.

— Что?

— Ночью меняли фильтр каскада. После замены у воды остаётся металлический хвост. Вас раздражает не жажда. Вас раздражает, что источник раздражения нельзя убрать. Поэтому вы не пьёте. Это не отказ от воды. Это способ наказать среду.

На панели справа на долю секунды вспыхнуло жёлтым: повышение когнитивной активности.

Пациент смотрел на неё уже внимательнее.

— И что, помогает? — спросил он.

— Нет, — сказала Фелисетт. — Но делает вас предсказуемым.

Он коротко хмыкнул.

Первый живой звук за весь осмотр.

— Дайте воды, — сказал он.

Фелисетт, не оборачиваясь, подняла два пальца. За дверью тихо щёлкнул раздаточный модуль.

На панели рекомендация тут же изменилась:

сохранить режим наблюдения перевод не требуется

Она дождалась, пока пациент возьмёт стакан и сделает первый глоток, потом вышла из бокса.

В коридоре её уже ждал дежурный — молодой лунник с защитными очками, сдвинутыми на лоб.

— Доктор, — сказал он осторожно, — система же давала жёлтый сектор.

— Система видела отказ от воды и фрагментацию сна, — ответила Фелисетт. — Я видела, что его бесит фильтр.

Лунник кивнул, хотя было видно, что до конца он не понял.

Обычно так и случалось. Людям хотелось, чтобы психиатрия была сложной и загадочной наукой. На деле она часто начиналась с мелочи, которой слишком долго не давали имени.

Фелисетт пошла дальше по коридору.

Для персонала она была доктором Эйнер. Для пациентов — по-разному. За глаза чаще всего говорили «кошка». Сначала из-за фамилии, потом из-за привычки двигаться тихо и смотреть дольше, чем удобно. Она не спорила. Некоторые прозвища точнее должностей.

Формально её работа называлась чисто: врач-психиатр третьего контура допуска. Фактически она была последним живым фильтром между человеком и системой.

Через неё проходили решения о переводе, подавлении, глубокой коррекции и, в крайних случаях, о когнитивном переформатировании. Формально система ничего не делала без человека. Фактически человеку всё чаще оставалось лишь подписывать уже готовый вывод.

Фелисетт не любила в стенах «Предела-6» слово «лечение».

Здесь людей не лечили. Здесь их возвращали в управляемый диапазон.

Она вошла в кабинет в конце сектора. Всё было на своих местах: стол, терминал, закрытый стеллаж, два кресла, настоящая фотография мужчины в металлической рамке. Не голо-

грамма. Не движущаяся реконструкция. Настоящая фотография — упрямый кусок неподвижного прошлого.

Фелисетт сняла перчатки и вымыла руки.

Один раз.

Семь раз она мыла только после тяжёлых случаев. Важные ритуалы должны подчиняться системе, даже если систему придумала ты сама.

Потом она открыла ящик и достала чёрный блокнот.

В век сквозной аналитики бумага выглядела почти вызывающе. Но у неё были причины. Всё, что попадало в цифровой контур, становилось обучающим материалом. Человеческое наблюдение превращалось в статистику. Статистика — в норму. Норма — в приказ.

Бумага не утекала в сеть сама. Бумага не исправляла алгоритм без спроса. Бумага всё ещё позволяла думать отдельно.

Она записала:

Отказ от воды как адресный протест. Не психоз. Не депривация. Непереносимость мелкой утраты контроля. После вербализации причины — возврат в диапазон.

На секунду задумалась и добавила ниже:

Слишком быстро согласился. Проверить повторно через 48 часов.

Почерк у неё был ровный, узкий, почти инженерный. Когда-то ещё во время обучения она заметила, что люди выдают себя не только словами, но и нажимом, остановками, срывами линии. Позже оформила это в методику. Ещё позже методику запретили как недостаточно стандартизированную. После запрета половина персонала всё равно продолжила приносить ей записки пациентов до того, как запускать тяжёлый протокол.

Терминал мигнул входящим уведомлением. Но прежде чем Фелисетт успела открыть сообщение, свет в кабинете на мгновение дрогнул.

Не погас.

Просто на долю секунды стал холоднее, а потом вернулся к прежнему режиму.

За стеной тихо щёлкнул сервисный контур.

Фелисетт не пошевелилась.

Обычный человек мог бы не заметить. Обычный сотрудник — заметить и забыть. Но она слишком долго жила среди техники, которая не имела права на случайные жесты.

Она поднялась, подошла к панели и вызвала локальный лог кабинета.

Коррекция освещения.

Источник: автоматическая компенсация линии.

Статус: восстановлено.

Вот и всё.

Три слова, которые система особенно любила.

Восстановлено. Автоматически. Штатно.

Фелисетт открыла подробный слой. Там значилось ещё меньше: кратковременная компенсация нагрузки, без выхода за рабочий допуск.

Формально — ничего.

Она стояла несколько секунд, глядя на строку, потом вызвала техотдел сектора.

Ответ пришёл почти сразу. На экране появился старший инженер смены — сухой венерианец с ровным лицом и почти идеальной дикцией.

— Доктор Эйнер.

— В моём кабинете была коррекция света.

— Вижу. Микроскачок на линии маршрутизации. Уже погашен.

— Причина?

— Локальная компенсация после ночной перенастройки климатического каскада.

— Это норма?

Инженер помедлил ровно на ту долю секунды, за которую люди либо выбирают правду, либо подбирают формулировку.

— Это допустимо, — сказал он.

Фелисетт смотрела на него молча.

— Это не ответ на мой вопрос.

Инженер выдержал паузу.

— Нет, — сказал он. — Идеальной нормой я бы это не назвал. Но тревогу поднимать не из-за чего.

— Пока?

Он не ответил сразу.

— Пока, — признал он наконец.

Фелисетт отключила связь.

Вот так всё и начиналось. Не с катастрофы. С маленькой честности, которую система ещё не считала опасной. Почти всегда беда входила именно так: через крошечный узел, который официально был допустим, а по сути уже просил, чтобы его заметили раньше, чем он станет событием.

Она вернулась к столу и только теперь открыла входящее уведомление.

Прибытие нового объекта.

Категория допуска: особый профиль.

Назначенный специалист: доктор Ф. Эйнер.

Время первичного интервью: 06:00.

Фелисетт перечитала сообщение дважды, потом раскрыла карточку.

Данных было мало. Почти оскорбительно мало.

Мужчина.

Тридцать шесть стандартных лет.

Переведён с транзитного узла.

Обвинения — закрыты вторым контуром.

Биотип — адаптированный колониальный.

Психопрофиль — стабилен.

Стабилен.

Она закрыла карточку.

Когда система пишет это слово при таком уровне секретности, обычно означает одно из двух: либо перед тобой действительно редкий случай управляемого человека, либо кто-то очень постарался, чтобы ты увидела только гладкую поверхность.

Фелисетт откинулась на спинку кресла и на секунду закрыла глаза.

Спала она по четыре часа в сутки и всегда высыпалась. Редкая зарегистрированная особенность. Ни кофе, ни стимуляторы ей не требовались. Только холодная вода и ритм, который организм держал сам.

На внутренней стороне рукава белел маленький флаг Земли. Она поправила манжету, чтобы ткань легла ровно.

Землянкой она называла себя не потому, что родилась на Земле. Там она не была ни разу. Родилась на медицинском кольце у Луны, выросла на станциях, училась по старым земным учебникам и архивам. Земля для неё была не местом, а стандартом. Последней нормой, с которой можно сверять себя, когда всё остальное расползается.

Многим это казалось смешным.

Патриотизм без планеты под ногами. Тоска по траве, которую не видел. Верность миру, знаемому по изображениям и школьным моделям.

Фелисетт не спорила. Людям, выросшим вдали от поверхности, чаще других нужен был выдуманный центр тяжести.

Её муж это понимал.

Она перевела взгляд на фотографию. Мужчина на снимке смотрел чуть мимо камеры, как будто уже в следующий момент собирался сказать что-то более важное, чем сама поза для кадра. Учёный. Упрямый. Невнимательный к быту. Погибший в миссии, где должна была быть она.

Фелисетт коснулась кольца большим пальцем и тут же убрала руку.

Не сейчас.

Сначала — работа.

Терминал мигнул снова. Служебные строки шли одна за другой:

Смена фильтра климата в секторе Е выполнена. Резервный модуль вторичного питания №4 переведён в режим автоподхвата. Контур навигации откалиброван. Нейродиагностическая сеть синхронизирована.

Обычный утренний шум станции. Та самая инженерная музыка, на которой держалась жизнь комплекса.

Фелисетт прочла всё до конца.

Люди любили думать, что катастрофа начинается с большого события. Сигнал тревоги. Разгерметизация. Пожар. Отказ ядра. На деле большая катастрофа почти всегда начиналась с мелкой строки, которую кто-то решил не перепроверять.

Она встала и подошла к обзорному сегменту стены.

По команде панель затемнения ушла в сторону. За прозрачным слоем висела Церера — тусклая, иссечённая, серая. Ни красоты, ни романтики. Только камень, трассы грузовых огней и пояс, где всё держалось на ремонте, торговле и дисциплине.

Люди Пояса рано учились не делать лишних движений. Не тратить лишних слов. Не давать лишних реакций.

Поэтому колониальные профили она машине не доверяла никогда до конца.

За спиной снова тихо щёлкнуло.

На этот раз — уже не свет.

На браслете вспыхнула голубая линия маршрута. Комплекс начал готовить сектор к приёму нового объекта. Где-то в глубине кольца один за другим открывались локальные шлюзы. Климатический контур менял влажность под новый биотип. Навигационные маяки переходили в более частый режим пинга.

Станция перестраивалась под новую переменную.

Фелисетт сунула блокнот в карман, проверила замок ящика, потом ещё раз, потом третий. Взяла стилус-сканер, служебный ключ и вышла в коридор.

Белые линии под ногами уже сменились на голубые.

Маршрут был утверждён.

Сектор жил так, как живут большие системы перед тем, как проглотить неизвестное: с безупречной внешней собранностью и едва заметным внутренним напряжением.

Фелисетт шла навстречу новому объекту спокойно.

Обычная смена закончилась.

Та, за которую придётся платить, только начиналась.

2

Приёмный сектор особых профилей располагался глубже остальных блоков — не потому, что нуждался в дополнительной защите, а потому, что не терпел случайности.

Всё, что сюда входило, проходило через несколько ступеней согласования: воздух, свет, информация, человек. Даже звуки здесь словно пропускались сквозь фильтр, прежде чем получить право прозвучать. Коридор был выстроен так, чтобы не отвлекать, не давать взгляду опоры, не оставлять воображению ни одной лишней детали. Чистая функция. Чистый контроль. Чистое напряжение, притворяющееся порядком.

Фелисетт не любила это место.

В обычных секторах система хотя бы не скрывала своей природы: следила, направляла, удерживала, навязывала ритм. Здесь же она делала нечто более опасное — изображала нейтралитет. Любая поверхность казалась просто поверхностью, пока не выяснялось, что под ней идут датчики микровибрации, контуры термостабилизации, линии вторичного питания и оптоволоконные магистрали, связывающие человека с машиной быстрее, чем он успевает осознать собственное движение. В приёмном секторе ошибку не допускали. Её сначала растворяли в архитектуре, а уже потом объявляли, что всё находится в пределах допуска.

Когда Фелисетт подошла к шлюзу, вдоль пола уже тянулась тонкая фиолетовая линия — режим углублённой диагностики. По обе стороны коридора матово светились стены, лишённые всякой человечности. Свет был выверен так, чтобы лицо не пряталось в тени, но и не выдавало естественного раздражения от яркости. Всё здесь было рассчитано на считывание человека: температуры, пульса, микрореакций, невольной готовности к сопротивлению.

У входа стояли двое из внутренней безопасности.

Один — венерианец, плотный, почти неподвижный, с едва заметной металлической рябью под кожей у висков. Второй — широкий лунник, из тех, кто всю жизнь двигался с поправкой на экзоскелет и потому даже без него ставил ноги так, словно пол может предать. Оба отступили в сторону, пропуская её.

— Доктор Эйнер, — сказал лунник. — Объект доставлен. Санобработка завершена. Биометрический контур чистый. Нейроскан первого слоя без замечаний.

— Первого слоя, — повторила Фелисетт.

— Да.

Значит, второго слоя ей не открыли.

Она приложила ладонь к панели допуска. Стекло под пальцами сначала стало тёплым, потом холодным. Система считывала не только отпечаток и сосудистый рисунок, но и скорость реакции зрачка, микропульсацию ногтевого ложа, уровень мышечного напряжения. В «Пределе-6» паролем не доверяли. Здесь доверяли только человеку, прочитанному целиком.

Над дверью загорелось:

ДОПУСК ПОДТВЕРЖДЁН КОНТУР Н-7 ЖИВОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ ОБЯЗАТЕЛЕН

Последняя строка ей не понравилась.

Створки разошлись.

Приёмная камера была устроена так, чтобы оставаться на грани между медицинским пространством и допросной. Здесь не применяли грубых средств давления — в этом не было необходимости. Достаточно было понизить температуру на полградуса, сделать кресло чуть жёстче, чем требует комфорт, и выстроить свет так, чтобы любое лицо читалось как открытая поверхность. Под плитой пола работали сенсоры давления. В подлокотниках кресел были скрыты датчики электрокожной активности. Тёмный сегмент стекла в стене напротив позволял наблюдать, не показывая наблюдателя.

Фелисетт знала: за стеклом никого нет. Этот сектор не любил свидетелей. Он любил запись.

Объект уже сидел внутри.

Не скованный. Не зафиксированный.

Даже это было частью расчёта: человеку позволяли ощутить, будто его воспринимают как собеседника, тогда как на деле ему лишь предоставляли более сложную форму клетки.

Мужчина лет тридцати пяти-шести по земному счёту. Худой, но не иссушённый, с узким лицом и той сдержанной экономией движений, которая часто встречалась у рождённых в Поясе. В нём не было ни нервной скованности, ни вызова, ни демонстративного самообладания. Он просто выглядел так, словно давно отучился делать движения, не имеющие непосредственной функции. Даже неподвижность у него была не позой, а способом существовать.

Когда она вошла, он не повернул голову сразу.

Сначала посмотрел на её отражение в тёмном сегменте стекла. Лишь затем — на неё саму.

Это было первым по-настоящему неприятным наблюдением.

Большинство людей в подобной ситуации реагируют на дверь, на вооружённых, на угрозу, на возможность ошибки среды. Он же выбрал отражение — не сам объект, а его опосредованную форму. Не факт, а вторичный контур. Слишком характерный жест для человека, привыкшего жить в системах, где реальность почти всегда приходит через посредника.

Фелисетт села напротив. Положила на стол стилус-сканер. Планшет включать не стала. Ей хотелось сначала увидеть исходный фон без вмешательства собственной воли, без тех маленьких искажений, которые вносит в наблюдение уже сам факт активного просмотра.

На периферии зрения побежали первые служебные метки:

Пульс — 62. Дыхание — 11. Тремор — не выявлен. Мышечный тонус — в пределах норм. Вербальный прогноз — стабилен.

Стабилен.

Фелисетт давно не любила это слово. На больших объектах стабильность слишком часто означала не отсутствие угрозы, а отсутствие у системы подходящего языка для её описания.

— Доктор Фелисетт Эйнер, — сказала она. — Первичное интервью. Вы понимаете, где находитесь?

— Да.

Голос оказался ниже, чем она ожидала, и почти лишён обычных признаков недавнего транзита. Ни пересушенной хрипоты, ни осторожной шероховатости, которая бывает у человека, ещё не успевшего согласовать свою речь с новой клеткой. Голос был ровным. Не безжизненным — именно ровным. Слишком собранным для первых минут в особом секторе.

— Тогда назовите.

— Исправительный комплекс «Предел-6». Орбитальный контур. Приёмный сектор особых профилей.

— Хорошо. Имя?

— Каэль Севрин.

Подтверждение пришло мгновенно. Система сочла имя подлинным. Для охраны, логистики и судов этого обычно было достаточно.

Для Фелисетт — нет.

— Место рождения?

— Транзитное кольцо «Пакс-3». Промышленная ветвь Пояса.

— Гражданская принадлежность?

— Поясная конфедерация. Временный контрактный статус по линии АО «ЗАСЛОН».

Вот здесь внутри у неё что-то встало жёстче.

Контрактная линия «ЗАСЛОНА» означала, что перед ней сидел не просто заключённый, не случайно провалившийся в корпоративную сетку. Он когда-то работал внутри этой логики. Не обязательно в ядре и не среди тех, кто принимает решения, но достаточно близко, чтобы говорить на её языке не по учебнику.

Система отозвалась новой меткой:

ПОВЫШЕННАЯ ВНУТРЕННЯЯ СОГЛАСОВАННОСТЬ ЛОЖЬ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА

Это было почти насмешкой.

— Специализация? — спросила Фелисетт.

— Техобслуживание и согласование сигнальных узлов.

— Какого класса?

— Вторичная архитектура.

Она едва заметно кивнула.

Значит, не проектировщик. Не аналитик. Не тот, кто формулирует красивые решения с безопасной дистанции от их последствий. Вторичная архитектура — это люди, знающие объект по сопротивлению металла под инструментом, по тем сбоям, которые в презентациях называют несущественными отклонениями, а в реальности они однажды становятся причиной гибели. Проектировщик мыслит схемой. Техник второй архитектуры мыслит пределом, при котором схема начинает лгать.

— Что именно вы обслуживали?

— Световые маршрутизаторы. Резервные блоки. Каскады синхронизации. Иногда — локальные климатические кластеры.

Он отвечал ровно, без запинки, но не так, как отвечают люди, заранее выучившие безопасную версию биографии. Те, кто лгут профессионально, почти всегда добавляют лишнюю гладкость. Здесь было другое: ответы были экономными, как будто человек не скрывал, а дози- ровал расход слова.

— А потом? — спросила Фелисетт.

— Потом меня арестовали.

На периферии зрения вспыхнула новая строка:

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТКЛОНЕНИЕ: НЕ ВЫЯВЛЕНО

Ни злости. Ни защитной реакции. Ни аффективной тени на слове арестовали. Так не бывает. Во всяком случае, не в пределах тех моделей, на которых обучали этот контур.

— За что? — спросила она.

Каэль чуть качнул головой.

— Вам не открыли?

— Я спрашиваю вас.

Он посмотрел на неё спокойнее, чем имел на это право.

— Тогда спрашивайте точнее.

Реплика была не хамской. Не вызывающей. Хуже. В ней не было попытки оттолкнуть власть. Он просто отказался двигаться по расплывчатой формулировке, как инженер отказывается работать с неточным чертежом.

Фелисетт помолчала секунду.

— Хорошо. Какая версия обвинения была доведена до вас официально?

На этот раз он ответил сразу:

— Нарушение регламента доступа. Неавторизованное вмешательство в изолированный контур. Косвенное содействие гибели персонала.

Косвенное.

Самое удобное слово в обвинениях, где система хочет сохранить лицо, а человеку оставить достаточно вины, чтобы он не выглядел невиновным даже сам для себя.

— Признаёте?

— Я признаю, что контур был обречён ещё до моего вмешательства.

Система охотно поддержала эту фразу:

**КОНСТАТИРУЮЩАЯ РЕЧЕВАЯ ФОРМА АФФЕКТИВНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ:
МИНИМАЛЬНОЕ**

Фелисетт сложила руки на столе.

— Вы инженер? — спросила она.

— Техник согласования.

— Я не о должности.

Он слегка прищурился.

— Тогда о чём?

— О способе мышления.

И только теперь в его лице что-то едва заметно изменилось. Не улыбка. Не тревога. Скорее осторожное признание того, что собеседник наконец задал вопрос на правильном уровне.

— Иногда, — сказал он.

— Тогда вы понимаете, что меня интересует не ваша вина как формула. Меня интересует причинная цепочка.

— А меня, — ответил он после короткой паузы, — интересует, что именно в этом месте называют лечением.

Вот здесь сама логика сцены на секунду потеряла симметрию.

Каэль не сопротивлялся. Не оправдывался. Не просил о снисхождении. Он сдвигал разговор туда, где диагноз начинал касаться не его одного.

Фелисетт не любила такие моменты.

Не потому, что они были ей неприятны. Потому, что они почти всегда оказывались важными.

— Здесь лечением называют восстановление управляемости, — сказала она.

Он посмотрел на неё в упор.

— А если человек был управляем как раз до лечения?

На периферии зрения вспыхнуло новое предложение системы:

ВЫСОКИЙ КОГНИТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ДЕФИЦИТ АФФЕКТИВНОЙ ВЫРАЖЕННОСТИ РЕКОМЕНДУЕМАЯ ВЕТВЬ: СОЦИАЛЬНАЯ КОРРЕКЦИЯ

Фелисетт почти физически ощутила раздражение.

Социальная коррекция. Ещё одно хорошее название для того, что когда-то называли иначе и честнее. Не уничтожение личности — нет, система была слишком воспитанной для таких слов. Просто перенастройка поведенческих связей. Снижение внутреннего сопротивления. Оптимизация адаптивного профиля. Чистая терминология для грязной сути.

— Посмотрите на меня, — сказала она.

Он уже смотрел.

— Нет. По-настоящему.

Каэль не отвёл глаз. И не приблизился. Просто перестал использовать дистанцию как защитный механизм. Между ними всё ещё оставались стол, кресла, выверенный холод сектора, но взгляд стал прямым, без отражения, без вторичного контура.

Фелисетт чуть подалась вперёд.

— Вы не боитесь, — сказала она тихо. — Не злитесь. Не просчитываете, что безопаснее сказать. У вас нет ни одной естественной реакции человека, которого только что перевели в особый сектор. Это невозможно по статистике. Значит, одно из двух. Либо вы находитесь в состоянии, которое система ещё не умеет читать. Либо вы уже всё для себя решили.

Слова повисли между ними.

Интерфейс на стене коротко мигнул, словно сам не знал, куда отнести эту паузу.

Потом Каэль опустил взгляд на её руку.

— Вы носите кольцо, — сказал он.

Фелисетт не шелохнулась.

— И?

— Вы не похожи на человека, который держится за символы.

— А вы не похожи на человека, который отвечает вопросом на вопрос. Но, как видите, мы оба справляемся.

На этот раз он действительно улыбнулся. Очень слабо. Не ртом — взглядом.

И именно в этот момент система вывела:

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА: ФОРМИРУЕТСЯ УРОВЕНЬ РИСКА: НИЗКИЙ

Фелисетт едва не рассмеялась.

Вот оно.

Главное несоответствие.

Нормальный человек в подобной ситуации не формирует доверительную динамику за девять минут. Он либо ищет опору, либо защищается, либо начинает осторожную игру на влияние. Каэль делал что-то иное. Он настраивал расстояние. Не приближался и не отстранялся — именно настраивал. Как если бы перед ним был не собеседник, а контур, который нужно вывести на режим резонанса, не перегрузив раньше времени.

Фелисетт встала.

— Интервью окончено.

— Уже?

— На первый раз достаточно.

— Для кого?

Она подошла к панели и отключила видимую часть интерфейса. Стена вновь стала просто стеной.

— Для системы — более чем. Для меня — нет.

Она повернулась к двери.

— Вас переведут в индивидуальный бокс наблюдения. До следующей беседы — без общих контактов, без сетевого доступа, без аудиоканалов. По запросу получите бумагу и пишущий инструмент.

Он поднял глаза.

— Бумагу?

— Вас это удивляет?

— Нет. Вас — да.

Фелисетт остановилась.

— Почему?

— Потому что люди, которые ещё оставляют человеку бумагу, обычно либо очень уверены в себе, либо уже не доверяют системе.

Шлюз за её спиной открылся мягко, почти бесшумно. Над дверью загорелась голубая полоса перевода.

Она не ответила. Просто вышла.

Внешний коридор встретил её прохладой, сухим воздухом и ровным шумом работающих магистралей в стенах. Венерианец из охраны поднял голову:

— Доктор?

— Индивидуальный бокс. Второй уровень наблюдения. Без жёсткой фиксации. Без стимулов. Питьевую воду — из свежего каскада, не из общей линии. И проверьте, чтобы климатический профиль не ставили по умолчанию.

— Под какой биотип настраивать?

— Пока под поясный. Но без сенсорной депривации. И уберите ритмический фон из вентиляции.

Охранник нахмурился.

— У нас стандартный фон.

— Я знаю. Уберите.

Он не стал спорить и ушёл передавать настройку.

Фелисетт осталась одна у тёмного сегмента наблюдательного стекла. За ним Каэль поднимался с кресла так, как двигаются люди, всю жизнь прожившие в искусственной гравитации: не преодолевая пол, а заранее договариваясь с ним.

Она открыла личный канал.

— Архиварий сектора, — сказала она. — Запрос на полный пакет по объекту Каэль Севрин. Не витринную карточку. Всё. Контракты, профили работ, служебные взыскания, медицинский массив, происхождение по семейной линии.

Ответ пришёл не сразу.

— Доктор Эйнер, часть данных закрыта вторым корпоративным контуром.

— Знаю. Запрашивайте допуск.

— Основание?

Фелисетт смотрела сквозь стекло на опустевшую камеру.

— Несоответствие живого наблюдения машинному профилю. Возможная ошибка ветви социальной коррекции.

На линии воцарилась тишина.

Потом архиварий ответил:

— Такая формулировка автоматически поднимет флаг у кураторов «ЗАСЛОНА».

— В этом и смысл, — сказала она.

Отключив канал, Фелисетт пошла обратно в кабинет. На ходу вызвала техническую схему приёмного сектора и остановила её на узле резервного питания. Модуль вторичного подхвата действительно находился в переходном режиме после ночной перенастройки — не авария, не поломка, просто краткое состояние между двумя версиями штатности.

Она ненавидела именно такие состояния.

Когда всё ещё официально исправно, но уже не вполне является собой.

Терминал в кабинете уже ждал её. На экране открылась сводка интервью, собранная нейросетью:

Объект демонстрирует высокий самоконтроль. Признаков острой деструкции не выявлено. Рекомендуется ветвь социальной коррекции с мягким этапом адаптивной перенастройки. Риск прямой агрессии — низкий. Риск манипулятивного воздействия — умеренный. Доверительный потенциал к назначенному специалисту — высокий.

Фелисетт перечитала текст и закрыла файл.

Потом выдвинула ящик, достала чёрный блокнот и записала:

Каэль Севрин. Система видит норму там, где человек уже выбрал траекторию.

Подумала секунду и добавила:

Опасен не уровнем аффекта. Опасен завершённостью решения.

На этот раз почерк стал жёстче.

3

После смены станция всегда казалась тише, чем была на самом деле.

Никуда не исчезали шум вентиляции, ритм насосов, редкие щелчки автоматики в сервисных узлах, лёгкая вибрация, идущая по полу от магистралей жизнеобеспечения. Просто после медицинского сектора эти звуки переставали восприниматься как сигналы возможного срыва и складывались в фон, который можно было вынести. На больших объектах человек очень быстро учится отличать тревогу не по громкости, а по смыслу. Всё остальное он называет тишиной.

Фелисетт вышла из блока наблюдения позже обычного. По внешнему кольцу уже шёл утренний поток: техобслуживание, снабжение, лабораторные смены, охрана. Люди двигались вдоль световых маршрутов почти не глядя друг на друга. На станциях такого типа человек со временем перестаёт замечать людей и начинает замечать только допуски, временные окна, сигналы открытия створок и границы разрешённого пространства.

Она свернула в жилой сегмент. Здесь было теплее, чем в служебных коридорах, и заметно тише. Навигационные линии не шли по полу открыто, только слабо обозначались по стыкам панелей. Свет не давил. Воздух был суше. Даже станции нужен был вид человеческой жизни, если она собиралась держать персонал в рабочем состоянии годами.

Квартира Фелисетт находилась на внутреннем радиусе кольца. Небольшая: две комнаты, кухонный модуль, санузел, ниша хранения, обзорный сегмент в стене. За прозрачной панелью не было ни красоты Цереры, ни выверенной панорамы космоса — только силовые фермы, технический каркас и редкие огни сервисных платформ. Другим такой вид казался мрачным. Ей — честным. Он ничего не обещал.

Дверь впустила её после трёх проверок: ключ, сосудистый рисунок, ритм дыхания. Войдя, она дождалась, пока створка полностью сядет в гнездо, и, как всегда, трижды проверила замок ладонью.

Только после этого сняла обувь.

В квартире было прохладно. Климат она настраивала ниже бытовой нормы. Тёплый воздух расслаблял, а расслабленность на станции была плохой привычкой: она уменьшала осторожность быстрее, чем человек успевал это заметить.

На кухне Фелисетт налила воды и выпила почти полный стакан. Вода была очень холодной, с чистым, почти резким вкусом. Никаких ароматизаторов она не добавляла. Кофе не пила никогда. Алкоголь тоже. Мир и без того слишком старательно пытался вмешиваться в человека; не стоило помогать ему в мелочах.

Свет она включила только над столом.

Фотография стояла там же, где всегда, — в металлической рамке, без движения, без подмены памяти голографической живостью. На снимке муж смотрел чуть в сторону, не в камеру, как будто его отвлекли посреди мысли. Это ей всегда в нём нравилось: даже на неподвижном изображении он выглядел так, словно продолжает думать.

Фелисетт положила рядом служебный идентификатор и села.

Кольцо она не снимала никогда.

Когда-то он сказал, что украшения — это плохо спроектированные носители памяти: красивые, но бесполезные. А потом подарил ей кольцо, слишком тяжёлое для своей толщины и слишком точно собранное, чтобы быть просто украшением. Тогда это показалось ей типичным мужским противоречием. Позже стало ясно, что противоречия не было. Просто вещь имела назначение, о котором он не успел договорить до конца.

Она провела большим пальцем по внутренней кромке. Металл отозвался слабым теплом. Не сейчас.

Сначала — порядок.

Фелисетт включила стеновой хронометр и начала гимнастику по старой земной методике, известной ей с подросткового возраста. Ничего сложного: дыхание, растяжение, короткая нагрузка на спину и плечи, работа с суставами. Без нейроподдержки, без мышечных стимуляторов, без ускоряющих программ. Только тело, пространство и счёт. Она не получала от этого удовольствия. Но уважала предсказуемость. Человеку нужна хотя бы одна система, в которой усилие всё ещё связано с результатом напрямую.

Через пятнадцать минут она стояла у раковины и смывала с лица остатки смены, когда домашний терминал подал мягкий сигнал личного канала.

Не служебный.

Фелисетт вытерла руки и открыла сообщение.

Лидия Эйнер. Земной канал-почта.

Статус: доставлено с задержкой 9 часов 14 минут.

Она села за стол и только потом раскрыла письмо.

Родственница мужа писала всегда одинаково: длинными фразами, но без лишних слов. Из Калининграда. Из старого дома, где, по её словам, даже зимой воздух был живее, чем на большинстве станций. Последние три года у неё жила собака — светлая, беспородная, с умными глазами и слишком торжественным именем Лайка.

Имя это всякий раз вызывало у Фелисетт почти незаметную усмешку. Не потому, что было глупым. Напротив — слишком уж очевидным. Словно человек, проживший всю жизнь на Земле, даже не пытался быть тонким и назвал собаку самым прямым космическим именем из возможных. В этом было что-то трогательное. И именно поэтому — смешное.

В письме, разумеется, никакой иронии не было.

Фели, сегодня у нас опять туман с самого утра. Не густой, а такой, который делает всё вокруг нерешительным. Ты, наверное, сказала бы, что это просто влажность и светорассеяние, но я всё равно люблю думать, что город иногда не хочет показывать себя целиком. Лайка утром снова устроила свой обычный театр: остановилась у подъезда и отказалась идти домой, пока не проверила двор. Иногда мне кажется, что это не собака, а маленький инспектор порядка.

Я ходила на церемонию памяти. Имя Юрия снова зачитывали вслух. Не знаю, правильно это или нет, но мне всегда кажется, что, пока имя произносят, человек ещё не до конца ушёл из времени.

Ты обещала приехать. Я понимаю, что служба, допуски, всё это сложно. Но если когда-нибудь решишься — приезжай не летом. Приезжай весной. Хочу, чтобы ты увидела траву до того, как она станет привычной.

И, пожалуйста, напиши, как ты. Не официально. По-настоящему. Л.

Фелисетт закрыла письмо не сразу. Некоторое время она просто смотрела на последнюю строку.

Не официально. По-настоящему.

Люди любили просить у неё именно это, не понимая, что формулировка бессмысленна. По-настоящему она и так говорила всегда. Просто её правда редко совпадала с той версией правды, ради которой к ней обращались.

Она открыла нижний ящик стола, достала плотную бумагу для личной корреспонденции и тонкую ручку с металлическим пером. Не стилус. Не умное перо с автоархивацией. Обычную ручку, требующую нажима, угла и терпения.

Ответ она начала без обращения.

У нас сегодня приняли нового особого. Система считает его стабильным. Я — нет. Это не тревога в привычном смысле. Скорее ощущение завершённости. Словно человек уже дошёл внутри себя до точки, после которой не колеблются.

Она перечитала и остановилась.

Слишком близко к правде.

Последнюю фразу она вычеркнула и ниже написала другое:

У нас всё штатно. Я сплю мало, но достаточно. Холодная вода всё ещё работает лучше любых лекарств. На Землю пока не еду. Не потому что не хочу. Потому что хочу слишком давно.

На этом месте рука чуть замедлилась.

Фелисетт посмотрела на собственный почерк. Ровный. Без срывов. Но в букве ж последнего слова было чуть больше давления, чем в предыдущей строке. Её методика работала и на ней самой. Значит, тема Земли по-прежнему давала скрытое напряжение — большее, чем она позволяла себе признавать.

Она отложила письмо.

Терминал подал другой сигнал. На этот раз служебный, жёстче по тону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.